

Большинство шиноби признавали два типа родословных. Первыми были такие, как Яманака: наследство, особый дар, фактически передаваемый от предка к потомку биологическими средствами. У вторых было меньше родословных и больше секретов; дзюцу, которое кто-то внутри клана разработал, а затем отказался обучать кого-либо за пределами семьи, чтобы дать клану преимущество. Последние были гораздо реже во времена Скрытых Деревень — Деревни хотели использовать любую технику для деревни в целом, а не для какого-то конкретного клана внутри. Учиха и их способность имитировать практически любые другие дзюцу вывели эту интерпретацию родословной далеко за пределы земель Огня, но у других наций все еще были кланы, которые могли перемещаться под землей так, как никто другой не мог, или почти летать так, как никто другой не научился. . Претендуя на родословную, даже второго типа,

Клан Сарутоби претендовал на одну такую родословную. Они говорили, что Сарутоби повезло, что большинство их родственников родились способными одинаково хорошо контролировать все пять элементов.

Это утверждение широко оспаривалось, но только за закрытыми дверями и с подтекстом в метафорах. В конце концов, любой мог (если дать ему достаточно времени) показаться одинаково одаренным во всех пяти элементах, и хотя существовала бумага чакры, позволяющая проверить близость человека (и Огонь, дом деревьев, из которых была сделана бумага, проверялась больше всего), это было если пройти достаточную подготовку перед экзаменом, то он сможет написать в статье все, что захочет.

Если к притязаниям Сарутоби на родословную относились с немалой долей недоверия в Конохе (и на самом деле им разрешалось существовать только из-за поистине необычайного количества власти, которой обычно обладал каждый член) за пределами границ Огня, это утверждение было категорически пренебрегаемо. Это было то, о чем Чинмоку пришлось узнать перед своей дипломатической миссией, особенно учитывая, что один из эмиссаров был Сарутоби, но в то время это не казалось таким уж важным. На самом деле это всего лишь вспышка на радаре, ожидаемая попытка ниспровергнуть картину силы, которую рисует Коноха.

Но иногда принятие вещей как данность приводило к неожиданным последствиям.

Те, у кого не было родословной, редко, если вообще когда-либо, подвергались нападениям как семья. Конкретные люди могли бы быть такими, если бы они сами стали достаточно могущественными, но без секрета, скрытого в их мозгу или крови, противостоящая сторона редко видела смысл тратить время и ресурсы, чтобы сосредоточиться на одной конкретной семье.

Планируя возможные ответные цели, Коноха приняла это во внимание. Они посмотрели на Учиху, на Яманаку, на Хьюгу. Они посмотрели на Акимичи, Нару и Сенджу. Они не смотрели на Сарутоби. В конце концов, Ива не признавал, что у клана есть родословная, а кланы без родословной не подвергались нападкам.

...Очевидно, появление члена клана в качестве главы деревни изменило ситуацию.

Коноха действительно не ожидала этого.

В конце концов, было только две нации, в которых не было признано наличие человека, чья родословная возглавляла деревню: Коноха, которая утверждала, что это так, и Киригакуре, которая сделала это намеренно и, тем не менее, не позволила семье Каге проникнуть в деревню. поле битвы.

Таким образом, каждый раз, когда клан Каге подвергался нападению раньше, отчасти причина заключалась в способностях этой семьи, несмотря на политические связи.

И все это знали.

К тому времени, как каждую Сарутоби вывели с линии фронта, они уже понесли тяжелые потери, более тяжелые, чем любая другая семья, всего за несколько дней.

Коноха, конечно, сопротивлялась, даже сумела убить еще одного представителя новой родословной, прежде чем их тоже отозвали с линии фронта.

Но Ива добился гораздо более очевидного успеха; Коноха не смогла полностью убить всего пятерых, в то время как Ива (несмотря на то, что ему не удалось полностью убить тех, кто был выше) сумел заставить Коноху врасплох и практически уничтожить относительно большой клан за гораздо более короткий период времени.

Но эй, по крайней мере, Сакура сыграла важную роль в остановке их убийц.

Спустя две недели после того, как ей нанесли ножевое ранение, Сакура все еще находилась в больнице из-за этого.

Это была ртуть.

Много ртути.

По крайней мере, метод лечения уже был известен и довольно прост: с помощью чакры ртуть медленно выводилась из организма в течение недели или двух, а затем еще неделю или две можно было провести в таком же положении в постели из-за последствия присутствия чужой чакры в своей системе, пока, наконец, Сакура не смогла выйти на свободу.

Накануне они только что закончили удаление металла, так что теперь она находилась на «восстановительной» части процесса.

Тем временем жизнь во втором батальоне второй бригады продолжалась. Они привезли нового сенсора — маленькую девочку Хьюгу, едва вышедшую из Академии и не собиравшуюся отправляться на передовую как минимум еще на шесть месяцев — и перераспределили смены так, чтобы вокруг штаб-квартиры постоянно было больше охранников. Всех остальных Сарутоби тоже отправили домой, и они взяли на себя работу тех, кто был отправлен на передовую, чтобы заменить их.

Сакура, несмотря на то, что ей не разрешали ходить, а тем более покидать больницу, тоже была занята.

В конце концов, у нее все еще была ее основная специализация: исследования.

Ее выдающееся произведение — ее изобретение, которое должно было обеспечить ей продвижение по службе, — наконец получило свой первый прототип. (Она не сомневалась, что недавние события способствовали этому.)

Это отстой.

Нет, правда, это было ужасно.

Он почти не работал, набор текста был ограничен, написание чего-либо занимало целую

вечность, а его производство было слишком дорогим и сложным, чтобы окупить затраты.

Сакуре это даже понравилось.

Она провела несколько дней, возясь с ним, создавая черновик за черновиком о том, как его улучшить настолько, чтобы это было осуществимо, и создала совершенно новую петицию о совершенно новом прототипе пересмотренного дизайна.

Затем, поскольку у нее было время, она закончила еще два предложения: одно о шариковой ручке, а другое о пластырях.

Боль от ножевого ранения была отстойной, невероятно долгий процесс борьбы с последующим отравлением без долговременных последствий был, если уж на то пошло, еще хуже, а последствия нападения Сарутоби в целом – особенно в сочетании с аналогичными эффектами новой родословной – не предвещало ничего хорошего для и без того слабеющего движения Конохи.

С другой стороны, Сакура наконец-то смогла целый день заниматься именно тем, чем хотела, и, эгоистично, не испытывала особого желания поскорее выздороветь, несмотря на общее настроение больницы такое, что каждый день, проведенный там, как-то в несколько сотен раз хуже предыдущего.

По крайней мере, медикам понравился ее дизайн пластыря.

.

Сакура, наконец, вернулась к своему обычному графику, когда начались холодные месяцы.

Это было неудачно.

Хотя Земля Земли и не такая засушливая, как пустыня внизу, она все же имела довольно большую группу гор, которые когда-то описывались как Т-образная форма. К востоку от этой буквы «Т», в сторону Страны Огня, находилась степь. На западе, по крайней мере теоретически, располагались саванна и гигантское озеро.

Учитывая, что наиболее важные населенные пункты Ивы находились к востоку от гор, Сакура сочла весьма сомнительным, что последняя география когда-либо будет иметь значение.

Первое имело большое значение.

Летом степная температура могла без особых усилий убить человека, не умеющего использовать чакру. В те дни внутри оставались все, кто мог, и те, кто не мог рассчитывать на любую тень, с которой они могли столкнуться.

Зимы были другим делом.

Хотя октябрь еще не был настолько холодной частью года, что даже чакра не была достаточной защитой (на передовую уже привозили всевозможные меха, и возникали вопросы о том, можно ли принудить к миру — маловероятно, как сказал Ива хотели бы расширить свое преимущество на своем поле, но все еще считали, хотя бы по той простой причине, что это было бы полезно) они все еще двигались в этом направлении.

А большая часть мехов еще не прибыла.

Сакура, учитывая, что она провела весь день на улице (действуя как в качестве визуальной, так и в качестве системы сигнализации на основе чакр), была одной из немногих счастливиц, которые уже были одеты в плотную куртку и, учитывая, что ей пришлось использовать вся ее чакра в работе, теплая шапка и перчатки к тому же.

Большинству других повезло меньше.

Война началась хорошо.

Все началось с месяцев почти непрерывных (хотя и довольно небольших) побед на обоих фронтах, с успешного удержания Кумо от участия в войне, как того хотелось, и с того, что Мизу слишком осторожен, чтобы тоже присоединиться.

Поскольку силы Суны выступали в качестве вспомогательной защиты, Куна начал набирать обороты. В середине лета, в знойной степи, их победа казалась почти неизбежной: шиноби Суны доминировали в своей естественной стихии, Первая Бригада все ближе приближалась к фактической границе Страны Земли, и это было месяцев — что могло их остановить?

А потом, конечно, появилась родословная.

И затем лишь частично успешный ответ Конохи.

А затем, возможно, более успешная реакция Ивы.

А теперь стало холодно, и шиноби Суны становились все менее и менее полезными с каждой минутой (в пустынях могло стать холодно, сказали они Конохе, но только по-настоящему ночью, и ночью никто не сражался). эффективность; холод утомил их кости, родословная заставила их постоянно быть начеку, а резкое прекращение движения вперед оставило их застигнутыми врасплох и дискомфортными.

Итак, был октябрь, было холодно, и казалось, что дела идут под откос.

За исключением, конечно, их фактической боевой позиции, потому что за последние несколько недель они были вынуждены несколько отступить и больше не имели возвышенности — нет, путь вперед был полностью в гору.

Тем не менее, как упоминалось ранее, собственный взгляд Сакуры на этот вопрос был гораздо более позитивным, чем у большинства ее товарищей.

Она наслаждалась своим свободным временем, наслаждалась своей теплой одеждой, по крайней мере чувствовала, что была более информирована о родословной, чем большинство (хотя даже она знала, что это вряд ли было правдой на самом деле), и играла относительно важную роль в сохранении Миссия Ивы по уничтожению всех Сарутоби не совсем успешна.

И тут пришло следующее письмо Яманаки.

Этот был толстым.

Это было необычно.

Толстый означал больше проверок, означал, что нужно было сказать больше, означал, что нужно было сказать больше Яманаке, а не всему лагерю в целом.

В последнем толстом конверте было объявлено, что старший сын Яманаки Доури полностью

провалил специальную подготовку своей семьи (читай: пытки) и, следовательно, ему не будет разрешено продолжить карьеру ниндзя.

Оно было толстым, потому что включало дополнение от жены Дури, объясняющее, что его старший сын не только завалил экзамен, но и сделал это всего за четыре дня. Очевидно, это произошло, и за короткий промежуток времени мальчик обнаружил, что его избегают из клана в целом, а с его уходом из Академии и большинства других его друзей тоже.

Его жена хотела совета.

Это было понятное желание, но, поскольку на самом деле они не могли легко отправлять сообщения обратно, оно осталось без ответа.

Письмо, пришедшее в середине октября, было такого же объёма — наверное, страницы на три.

Дури протянул ей его еще до того, как разлил чай.

Она начала с первой страницы.

И тут ее взгляд, как обычно, упал на второй абзац.

(Почти всегда это был второй абзац. Иногда он менялся, но тот, кто обычно писал письма, очень, очень любил помещать скрытые сообщения во второй абзац, либо во второе, либо в последнее предложение.)

Этот обратил внимание на четвертый абзац, где речь шла о смертях.

Она прочитала этот абзац после третьего.

А затем в спешке она дочитала эту страницу, потом следующую, потом следующую.

А потом она уставилась на страницы, которые вяло держались в ее руках.

Когда остальные начали входить, Дури осторожно вынул бумаги из рук и кивнул каждому по очереди. Яманака Кими села вместо того, чтобы броситься на койку, видимо, опасаясь мрачного настроения, а Яманака Аиша нервно заерзала рядом с Сакурой.

Дури начал, как обычно. Он рассмотрел общие перспективы войны с точки зрения Яманака, которая была, во всяком случае, более мрачной, чем средняя перспектива, потому что Яманака смогли принять во внимание, как мало знали большинство военнопленных и, следовательно, могли рассказать об этом Конохе. Он рассказал об основных событиях в Яманаке.

А затем спокойно перешел к трем последним людям, людям, которые написали большое письмо.

«Яманака Аой, брат Яманаки Сакуры, не появлялся более трех месяцев. Он считается мертвым. Нара Шин, товарищ по команде генинов Яманаки Сакуры, и Митокадо Супаку, генин-сенсей Яманаки Сакуры, также не отправили никаких сообщений. за последний месяц. Они также считаются погибшими».

Аиша обняла Сакуру, яростно оттолкнула другую девушку в сторону, а затем заключила ее в объятия, чтобы выпрямить.

«Тела не найдены, но похороны пройдут в конце года, если не будет никаких изменений».

«Хочешь остаться сегодня в моей палатке?» Яманака Аиша сказала. «Я делюсь этим со множеством людей, чтобы вы не были одни».

"Нет, спасибо." - сказала Яманака Сакура. После паузы она добавила: «Я не увидела в письмах никаких дополнительных сообщений».

Дури поколебался, затем кивнул. «Значительный отпуск не может быть предоставлен, однако я договорюсь с вашим руководителем...»

«Сэнсэй Инузука».

— ...Сэнсэй Инузука, чтобы ты отбыла свои смены на следующие два дня. Мне... извини, Сакура.

Сакура встала и ушла.

С самого начала войны она задавалась вопросом, кого она потеряет первым.

Она подумала, что это может быть ее сестра Аяме — линия фронта всегда казалась такой опасной — или, возможно, ее брат Фудзио; его отправили в одну из тюрем, и постоянно находиться рядом с врагами, которых ты не мог убить, Сакура всегда чувствовала себя небезопасно, независимо от того, взяла она верх или нет.

Она не ожидала Аоя. Прошло так много времени с тех пор, как он работал под прикрытием, что мысль о том, что его каким-то образом поймают, казалась абсурдной.

Она не ожидала Шина. Он был всего на год старше ее, такой молодой, и к тому же в первую очередь ниндзя с документами. Каким бы ни было его тайное ученичество, он все равно оставался мальчиком, который писал романы и плохие стихи и в свободное время изучал язык.

Она не ожидала, что Сенсей. Сэнсэй, молчаливый сэнсэй, который знал, как играть в придворную игру, не ввязываясь в неразрывные связи, который всегда понимал ее желание изобретать, Шина писать и Джуро заботиться, и никогда, никогда не сомневался ни в одном из них, который всегда казался чтобы знать, когда им нужно немного больше внимания или когда ему следует полностью отступить.

Она знала, что они, возможно, еще живы — это никого не забавляло, — но...

Для них то, что они уведомили Сакуру, означало, что это маловероятно.

Для них то, что они уведомили Сакуру, означало, что на самом деле она, вероятно, сейчас жила в мире без Аоя, без Шина, без Сэнсэя.

Она вернулась к своей кровати.

Она закрыла глаза, попыталась представить, что никогда больше не увидит лица Шина.

Она открыла их.

Она закрыла глаза, пытаясь представить, что никогда больше не услышит вздоха Сэнсэя.

Она открыла их.

Она закрыла глаза, пытаясь представить себе, как в последний раз видела Аоя много лет назад,

когда он был еще ребенком.

Она открыла их.

А потом рядом с ней захрапела Сасаки Нао.

Она задавалась вопросом, кто еще узнал об этом сегодня. Дошло ли сообщение до ее родителей? Ее братья и сестры? А что насчет Джуро? Когда Акимичи разослали свои письма?

Она задавалась вопросом, как они умерли.

В случае Аоя его, скорее всего, поймали, что означало пытки. Возможно, он этого не сделал, конечно; возможно, он догадался, что они следят за ним, и избегал любого обычного или запасного способа послать сигналы, предпочитая покинуть этот район.

Это было возможно.

В случае с Сенсеем и Шином...

Шин, как она догадалась много лет назад, все-таки решил пойти дипломатическим путем.

Она не была полностью уверена в причине секретности — конечно, другие эмиссары не делали ничего, чтобы скрыть свою принадлежность — но это лучше всего соответствовало тому, что она знала о своем лучшем друге, его интересах и том, на что он тратил свое время и силы. изучение.

Дипломатия многозначна, но когда она была смертоносной, она, как правило, была откровенно смертоносной — тела легко находили.

Она задавалась вопросом, что значит, что ни одно из их тел не было найдено.

Она задавалась вопросом, были ли они вместе, когда умерли.

Это было возможно.

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3315673>